
PALAEOSLAVICA

XXX / 2022

NO. 1 / 2

Cambridge — “Palaeoslavica” — Massachusetts

MEMORIAL VOLUME

IN HONOR OF

**Dr. Alexander B. Strakhov,
December 10th, 1948—January 27th, 2021
Editor-in-Chief, 1993-2021**

**Dr.-Prof. Hans Rothe
May 5th, 1928—March 31st, 2021
Member of the Editorial Board, 2011-2021**

AND
CELEBRATING THE 100TH
BIRTHDAY OF

**Prof. Ihor Ševčenko
February 10th, 1922—December 26th, 2009
Member of the Editorial Board, 1993-2009**

Алексей П. Толочко (Киев, Украина)

Половецкие вежи¹

Легко установить, что в исторической литературе бытует единогласное убеждение, будто вежи половцев служили им одновременно и жилищами, и средством передвижения. Иными словами, вежи были движимыми домами, шатрами, поставленными на колеса. Половцы оказываются кочевниками совершенными, пребывающими постоянно в движении — они живут, передвигаются, рождаются и умирают в кибитках, буквально не ступая ногой на землю; они — максимальная противоположность оседлым земледельцам-славянам. Это общее мнение закреплено в новейшем *Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, где первым значением числится: «крытая повозка, кибитка».² Когда и на каком основании установилось именно такое понимание слова, выяснить не так легко. Надо думать, на лексикографов в этом случае оказали влияние историки и их представления о быте кочевых народов, навеянные античными представлениями о скифах и сарматах, у которых, как говорили, не было домов, одни кибитки. Еще одним источником яркого образа передвижных половецких жилищ несомненно послужили известные миниатюры *Радзивилловской летописи*, изображающие, как полагают, половецкие «вежи» именно как шатер, водруженный на возу.

Не вполне ясно, в каком отношении летописное «вежа» (с уникальным восточнославянским значением «дом-повозка») находится со слав. «вежа» в значении «хозяйственная постройка», а также несколько более поздним значением — «башня (крепостная)». Подсказать значение могла бы убедительная этимология слова, но в нашем случае, похоже, этимологические поиски задавались предположительно известным значением. Предложенная А.А. Потебней (и теперь общепринятая) этимология (от глагола *везу* — *вести*, *vez-ja > *вежа* в первоначальном значении «дом-повозка на полозьях или колесах») отталкивается как раз от локального восточнославянского значения и предполагает возникновение слова «еще в эпоху кочевой жизни славян».³ Достаточно странна цепочка развития значения, предложенная М. Фасмером: «Знач. «дом-повозка, кибитка» перешло в «шатер», откуда

¹ Одна из работ Александра Борисовича Страхова была посвящена термину «вежники» новгородских берестяных грамот, см.: А.Б. Страхов, «О новгородских «кочевниках» (к тексту берестяной грамоты № 550)», *Natales grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона* (СПб., 2008 = *Studia Ethnologica*, Вып. 6), 544-547. И хотя Александр Борисович справедливо оспаривал предложенное толкование «вежников» как северных кочевников, обитателей «веж», статья о об этом таинственном слове, надеюсь, будет уместна в сборнике, посвященном его памяти.

² *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, т. 1 (М., 1988), 377.

³ А.А. Потебня, «Заметки этимологические и о народной поэзии. 9. Вежа, след кочевого быта?», *Филологический вестник*, т. 3 (Варшава, 1880), 177-178; А.С. Львов, *Лексика «Повести временных лет»* (М., 1975), 123.

«передвижная башня», «башня»».⁴ Почему исконное древнее значение осталось только в восточнославянском употреблении и почему здесь (как справедливо подметил А.С. Львов) употребляется исключительно по отношению к жилищам неславянских — угров, половцев, печенегов и других кочевых народов, — остается непонятным.⁵

Не удивительно, что некоторые исследователи ощущали дискомфорт от подобного рода объяснений. А.П. Новосельцев посвятил термину «вежа» специальную статью, в которой скептически отнесся и к существующей этимологии, и к толкованию слова. Предложенная им самим этимология (из среднеиранского «ведж» в значении «простор, распространение», предположительно заимствование в славянский из сарматского в первые века н.э.), вероятно, не убедительнее.⁶ Во множественном числе («вежи»), настаивал исследователь, термин означает «половецкий лагерь, становище кочевников»,⁷ что, впрочем, оказалось всего лишь повтором догадки И.И. Срезневского.⁸

Дома-повозки кочевников в античной традиции.

Образ кочевников как жителей повозок, проводящих всю свою жизнь в движении и на колесах, представляет собой общее место в описаниях античными авторами мира номадов как экзотической противоположности цивилизации. Считают, что наиболее ранним упоминание домов-повозок у кочевников является фрагмент, приписываемый Гесиоду (VIII-VII вв. до н.э.).⁹ Геродот писал о скифах, что они возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках” (*История*, IV: 46). Детальнее находим у Гиппократата (*О воздухе, водах и местности*, 25), утверждавшего, что скифы живут повозках, четырех- и шестиколесных, устроенных наподобие домов. В них размещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях. Такой же образ скифов находим у Эсхила (“Прометей прикованный”), Помпея Трога (*Филипповы истории*), Страбона (*География*).

⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1 (М., 1986), 285. См. также: А.Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, вып. 6: вал I — вершок IV (М., 2012), 178-179.

⁵ Понимание вежи как “дома-повозки” приводит к очевидным конфузам, заставляя, например, Львова предполагать одновременно два (!) значения вежи в одной летописной фразе: «В данном примере, в первом случае кибитки, так сказать, неподвижные, а во втором, должно быть, кибитки на колесах» (А.С. Львов. *Лексика «Повести временных лет»*, 123).

⁶ А.П. Новосельцев, ‘Термин «вежа» в древнерусских источниках’, *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год* (М., 1989), 15-16.

⁷ А.П. Новосельцев, Термин «вежа» в древнерусских источниках, 17-18. Ранее такое же значение предполагала С.А. Плетнева; см.: С.А. Плетнева, ‘О построении кочевнического лагеря-вежи’, *Советская археология* 3 (1964), 133-140.

⁸ Ср.: “вежи — стан”, см.: И.И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, т. 1 (СПб., 1893), 482-483.

⁹ Обзор сведений античных авторов см.: Peter Alford Andrews, *Felt Tents and Pavilions: The Nomadic Tradition and its Interaction with Princely Tentage*, vol. 1 (London, 1999), 7-35.

В меру появления в поле зрения письменной истории все новых кочевых народов, этот образ переносился и на них. Помпоний Мела утверждал, что у сарматов вместо жилищ — повозки (*О хореографии*); главной отличительной чертой сарматов считал этот способ жизни также и Тацит, отмечая, что, хотя веныды и подвижный народ, но все же они сооружают дома; “все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне” (*Германия*).

“Архаизирующая” византийская этнография, именуя большинство северных народов “скифами”, переносила на них унаследованный от классических авторов образ. Так, Лев Диакон настаивал, что печенеги живут большей частью в повозках (*История IX*, 12), а Никита Хониат называл печенегов “жителями повозок” (хотя и отмечал, что живут они, “устанавливая шатры”).

Собственно, только античная традиция недвусмысленно говорит о домах-повозках кочевых народов. Во всех других случаях подобное устройство предполагается исследователями.

Летописные вежи.

Судя по всему, вежа принадлежит к специфически летописному словарю, крайне редко встречаясь вне летописных текстов. После XIV в. слово практически выбывает из активного употребления, а значение его забывается. Во второй половине XV в. Ян Длугош недоумевал по поводу летописного именованья половецких шатров башнями или вежами (*tabernacula, que ipsi magis proprio et usitato vocabulo turres, id est wyesze appellant*).¹⁰ В следующем столетии иллюстратор *Лицевого свода* изображал вежи как неопределенной формы сооружения или же как плетеные приспособления для ловли рыбы (вежи), а несколько позже польский историк Мацей Стрыйковский толковал слово в привычном значении башни и даже, как ему казалось, видел в южных степях развалины половецких “замков и городов”.¹¹

Что именно в доступных текстах подсказало, что главным значением вежи должно быть — дом-повозка?

Строго говоря, подвижность веж предполагается исследователями, но ни из одного места летописи прямо не следует. Половцы, разумеется, кочуют вместе с вежами, при необходимости перемещают их, но еще чаще вежи просто где-то находятся, расположены, стоят на одном месте (почему, кстати говоря, русским князьям и удастся разыскать их в необъятной степи).

Вежи впервые и появляются в летописании в недвижимом состоянии:

¹⁰ *Ioannis Dlugossi Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber quintus et sextus* (Varsaviae, 1973), 197.

¹¹ Впрочем, Стрыйковский также отмечал, что в Жемайтии, где он был каноником, вежами до сих пор называют крестьянские жилища, см.: Maciej Strykowski, *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytskiej Rusi*, t. 1 (Warszawa, 1846), 210.

Идоша Угри мимо Києвъ горою· еже сѧ зоветь ѿ Оугорское· [и] пришедьше къ Днѣпру и *сташа вежами*· бѣша бо ходяще аки се Половци· (ПСРЛ 1: 25).¹²

Летописец начала XII в., разумеется, не был очевидцем этой миграции, но он знал, что предки современных ему венгров некогда были кочевниками, а потому ничем не отличались от половцев (“ходили, как и половцы”), и потому вместо жилищ использовали вежи, которые устанавливали в определенных местностях, ср.:

тогда же Глѣбъ пусти Половци въ вежѣ . и шедше *сташа за Васильевомъ* (ПСРЛ 2: 550).

На самом деле, в летописных сообщениях половецкие вежи чаще всего фигурируют в неподвижном, статическом состоянии. Князья, например, знают, что вежи стоят на расстоянии половины дневного перехода,¹³ захватив вежи, русские войска “стояша на вежѣ . г . дни . веселасѧ”.¹⁴ То, что вежи находятся в стационарном состоянии, в каком-то фиксированном месте, подчеркивается в летописях указанием на конкретный географический ориентир, как правило, реку. Вежи находят у Дона,¹⁵ “на Оуглѣ и на Самарѣ”,¹⁶ “по Снопороду”,¹⁷ “за Мѣрлом”,¹⁸ “за Днепромъ”,¹⁹ или “в лоузѣ в Днѣпрескомъ”,²⁰ “оу Варина”.²¹

¹² Так же точно “становятся вежами” и Черные Клобуки в XII в.:

“Влчъславъ же Изяславъ и Ростиславъ . повелѣша Володимироу поити с Берендѣи и с вежами . и съ стады ѿ . поити ко Шлговѣ . и сташа мъжи дѣбрьми” (ПСРЛ 2: 428).

¹³ “а вѣсть ны праваѧ естъ . ажъ вежи Половецкиѧ . восе за полѣ днѣ . а великого ѣздоу нѣтоуть” (ПСРЛ 2: 654).

¹⁴ ПСРЛ 1: 397.

¹⁵ “в то же лѣ . мѣца . дека . въ . в . днѣ . Дмитръ Иворовичъ . взя вежѣ Половецкыѣ оу Дону” (ПСРЛ 1: 283-284).

¹⁶ “и ту приде ему вѣсть ѿ снѧ ѿ Мъстислава ѡже Бѣ ему помоглѣ Половци побѣдити на Оуглѣ и на Самарѣ . и полонѣ многѣ взялъ самѣхъ прогна . вежѣ ѿ поима . конѣ ихъ и скоты ѿ заѧ” (ПСРЛ 2: 460).

¹⁷ “и взяша вежѣ ихъ на Оуглѣ рѣцѣ а другыѣ . по Снопороду” (ПСРЛ 2: 540).

¹⁸ “Половци ѡборотилисѧ . противоу Роускимъ княземъ . и мы безъ ни коушаймсѧ . на вежѣ ихъ . оударити . да ѧко бы за Мѣрломъ” (ПСРЛ 2: 633).

¹⁹ “Тое же зимы сдоумавъ . Стославъ со сватомъ своимъ с Рюрико . посласта . Черны Клобуку . на вѣжа за Днепръ . и Романа Нездиловича воеводоу . и взяша вежа за Днепромъ . [...] Половци бо бѣхоуть шли в Доунаи . и не бѣ ихъ дома в вежахъ своихъ” (ПСРЛ 2: 659).

²⁰ “Ростиславъ же Рюриковичъ оулюби доумоу ихъ с моужи свой . и посла к Ростиславоу Володимеричю . река емоу . брате хотѣлъ быхъ ехати на вежа Половецкыѧ . [...] и ѣхаша в борзѣ . изъѣздомъ до Протолчии . и тоу заша стада многа Половецкаѧ . в лоузѣ в Днѣпрескомъ . а за Днѣпръ нѣ лзѣ бы имъ ехати . зане бѣ Днѣпръ в крахъ . и тако заша стаду . множество . и вежа которѣ бѣхоуть *шталисѧ в лоузѣ* . и ты вземше и возвратишасѧ . во свояси” (ПСРЛ 2: 670-671).

²¹ “и потомъ с Ростиславомъ же оу Варина вежѣ *взахѣ*” (Поучение Владимира Мономаха, ПСРЛ 1: 249;).

Из этих примеров видно, что летописцы, как правило, различают “половцев”, то есть состоящую из мужчин армию, и “вежи”, где, как правило, находятся жены и дети, стада и челядь. Если “половцы” всегда в стремительном движении — набеге или бегстве,— то “вежи” “остаются” на месте. Можно улучшить момент, когда армия ушла в поход и напасть вежи; либо захватить вежи, если армия отступила. Уходя в поход, армия оставляет вежи, завершив его, возвращается в вежи:

и дикыи Половци ꙗпоусти в вежи своа . ударивъ ꙗ дарми многими (ПСРЛ 2: 690).

В находящиеся где-то вежи половцы отправляют захваченный полон:

люди раздѣлиша и ведоша в вежѣ к сердоболѣ^ѣ своимъ и сродникѣ^ѣ своимъ (ПСРЛ 1: 225);

то все ведоша иноплеменици в вежи к собѣ (ПСРЛ 1: 419);

удолѣша Половци и мнози ꙗ Руси избѣени быша а инѣ^ѣ изимаша и самого княза Володимера ꙗша и ведоша и в вежѣ свои (ПСРЛ 1: 438);

уже несуть хрътыаны на всако лѣто оу вежѣ свои (ПСРЛ 2: 538).

Но армия не постоянно находится в походе. Иногда половецкие воины пребывают “в домах своих”. В этом случае половцы “лежат” в вежах:

поеди княже с нами на вежи Половѣцкыа верема ти есть . [...] и тако совокоупившеса с Чернымъ Клобоукомъ и ѣхаша изъездомъ . и быша на Ивлѣ на рѣцѣ на Половѣцкой . и тоу изымаша сторожа Половѣцкыа . и вземше оу нихъ вѣсть . аже Половци *дѣища вдалѣе лежать* и стада . по сеи сторонѣ Днѣпра по Роуской (ПСРЛ 2: 676-677).

Итак, вежи в большинстве летописных упоминаний неподвижны. Ср. следующие показательные примеры, где статичности веж противопоставлено движение сквозь вежи:

Половѣ же *пробѣгоша* вежѣ . и Роусь же *дошедше* вежѣ . и шполонишася (ПСРЛ 2: 640);

и всѣде на конь . и тако поидоста *сквозъ* вежа (ПСРЛ 2: 651).

Преимущественно недвижимое состояние половецких веж усиливается летописью ассоциацией их с “городами”, ср.:

В лѣ^ѣ . ꙗ . ꙗ . ꙗ . ꙗ . Идоша на Половѣ^ѣ . Стополкъ . Ярославъ . Всеволодь . Володимеръ . Стославъ . Ярополкъ . Мстиславъ . Дѣвдъ . Стославичъ . с снѣмъ Ростиславѣ^ѣ . Шлговичъ . Дѣвдъ . Игоревичъ . и доидоша града Шсенева . и Сугрова . вземше вежѣ Половечскыѣ . и бишася с Половци . на Салнѣ рѣцѣ (ПСРЛ 1: 289).

Судя по названиям этих и других упомянутых летописями половецких “городов” (Балин, Шарукань, Сугров, Чевшлюев),²² образованных от имен предводителей, они представляли собой станы отдельных родов. Такие вежи, различаемые по названиям родов, упомянуты в летописной повести о походе Игоря Святославича под 1185 г.:

и тогда кончавошюса полкоу розведени бѣша и поиде . кождо во своа вежа . Игоря же бахоуть гали Тарголове моужь . именемь . Чилбоукъ . а Всеволода брата его . аль Романъ . Кзичь . а Стослава Шлговича . Слдечюкъ въ Вобоурцевичехъ . а Володимера . Копти в Оулашевичихъ (ПСРЛ 2: 644).

Такие же родовые вежи отмечены в Киевской летописи под 1168 г.:

Тои же зимѣ . ходиша Шлговичи на Половци . бѣ бо тогда люта зима велми и въз Шлегъ . вежѣ Козины . и жену и дѣти . и злато и сребро . а Иррославъ Беглюковъ вежѣ въз (ПСРЛ 2: 532).

Несмотря на то, что в летописи чаще всего встречаем вежи в статическом состоянии, летописец дает понять, что это — портативные, переносные жилища. Таковы вежи половцев, таковы же вежи Черных Клобуков. С вежами “приходят”,²³ “бегут”,²⁴ “прибегают”,²⁵ вежи отправляют в безопасное место²⁶ или переправляют через реку.²⁷

К сожалению, летописи очень скупы относительно конструктивного устройства вежи. Во всяком случае, одно сообщение *Ипатьевской* летописи, противопоставляющее в единой фразе возы и вежи, как кажется, не оставляет сомнений в том, что летописцы понимали их различно:

кнзи же оувѣдаше . вже Половци побѣгли . и лишившеса женѣ своихъ . и возъ своихъ . и поѣхаша вборзѣ по нѣ а Иррослава Всеволодича вставиша за собою оу возъ . и възаша вежѣ ихъ на Оуглѣ рѣцѣ а другѣтѣ . по *Снопороду* . а самѣхъ постигоша в Черного лѣса” (ПСРЛ 2: 539-540).

Половецкие вежи — определенно не повозки (возы). Как именно были устроены вежи, из летописи неясно. Но, судя по всему, это были стоящие на земле шат-

²² ПСРЛ 1: 291; ПСРЛ 2: 284.

²³ “Володимеръ приде . съ всимы Черными Клобоукы . и с вежами и съ стады и скоты и” (ПСРЛ 2: 428).

²⁴ “Половци же слышавше походъ его . бѣжаша и с вежами к морю . князь же великий ходивъ по зимовищемъ ихъ и прочее възлѣ Донъ” (ПСРЛ 1: 414).

²⁵ “бѣша бо в то время побѣгли Берендичи . и с вежами . и Торци вси Чернии Клобуци . и велику пакость створиша” (ПСРЛ 1: 332).

²⁶ “Половцем же бѣ възѣ на нѣ . и поустыша вѣжа назадъ” (ПСРЛ 2: 673).

²⁷ “и бѣ тойѣ ночи тепло и дождь . раманъ . и оумножиса вода . и не бѣ имъ коуда переѣхати . а Половцѣ котории оутагли переити вежами спсошася . а которѣи не оутагли . а тѣхъ възаша . рекоша же . ако в тоу рать вежѣ и кони скоти мнози потопли соуть . в Хирии . бѣгающе передъ Роусью” (ПСРЛ 2: 629).

ры или юрты. Во всяком случае, Игорь Святославич, убегая из половецкого плена, приподнимает «стену» у вежи: “и подоима стѣноу . и лѣзе вонъ” (ПСРЛ 2: 651).

Неполовецкие вежи.

Половецкие вежи, разумеется, наиболее известны. Но с точки зрения летописцев любой кочевой народ (вероятно, вне зависимости от реальной этнографии жилища) обладает вежами или обитает в вежах. Вежи были и у других народов, в том числе и тех, чьи жилища гораздо лучше документированы, среди прочего, и современными описаниями.

В вежах, например, жили Черные Клобуки, расселенные в Поросье, как становится ясно из целого ряда летописных сообщений:

и ѡтолѣ Чернии Клобуци . побѣгоша къ своимъ вежамъ (ПСРЛ 2: 401);

на^н приставите брата своего Володимира . ать поѣдемъ къ своимъ вежамъ . заимоуче же хочемъ вежѣ своѣ . и жены своѣ . и дѣти своѣ . и стада своа . и што своего . всего поидемъ же къ Киевоу (ПСРЛ 2: 427);

Изаславъ и Ростиславъ . послоушавше дружины своа . и Кианъ и Чернѣ^н Клобуковъ и тако ѡрадиша Володимера . брата свое . по вежѣ с Торкы и с Кооуи . и с Берендѣи и с Печенѣгы . а сами поидоша къ Треполю (ПСРЛ 2: 427);

придоша . Половци мнози къ Гюргеву . и взяша вежи многи по Роту (ПСРЛ 2: 521).

В вежах же жили и появившиеся в середине XIII ст. монголы:

и мнози избѣени бѣша . до рѣкы Днепра Татаром же возвратившиса идоша в вежа своа (ПСРЛ 2: 740);

потом же возвратиса Боурандаи на западъ . во своа веже (ПСРЛ 2: 855);

и тако поидоша назадъ вое^н [X, II: въ своа] вѣжѣ . Телебоуга поиде своею дорогою шпаль . а Ногаи своею дорогою (ПСРЛ 2: 895).

Из сообщения под 1228/6736 г. *Новгородской четвертой* летописи узнаем о вежах жителей Карелии. Новгородцы потерпели поражение:

и тоу ихъ избиша много, а останокъ ихъ разбѣгошася, куды кто види, но и тѣхъ Корѣла, гдѣ обьшедше, в лѣсе ли, или на нивѣ, или въ вежахъ, выводяще, избиша ихъ.²⁸

Обитатели этих жилищ, скорее всего, не называли их вежами, но примечательно, что если южные летописцы, сталкиваясь со степными кочевниками, называли

²⁸ ПСРЛ 4, 1: 204.

вежами их юрты, то новгородские, сталкиваясь с кочевниками северными, называли вежами их чумы.²⁹

Вежи, как это ни странно звучит, были и у русских князей. В одном из эпизодов *Галицко-Волынской летописи* Александр Белзский оклеветал Даниила Романовича перед его тестем Мстиславом Мстиславичем. Разбирательство конфликта происходило перед шатром Мстислава:

исправлению же бывъшю школо вежи его . самому же Александроу не смѣвшю ѣхати . посла Яна своего (ПСРЛ 2: 746).

Мстислав Мстиславич был зятем половецкого хана Котяна (о чьих вежах скажем в своем месте) и мог перенять обычай у тестя. Но Мстислав также княжил прежде в Торческе, городе, возглавлявшем Поросье с его Черными Клобуками.

Показателен еще один пример из *Галицко-Волынской летописи*. Описывая поездку Даниила Романовича галицкого к хану Батыю, летописец уточняет, что Даниил вошел в «вежу» Батыя: «и поклониса по шбъчаю ихъ . и вниде во вежю его». ³⁰ Разумеется, Батый жил не в кибитке на колесах. Плано Карпини описал жилище Батыя, то самое, которое посещал и пил в нем кумыс Даниил:

А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. [...] Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю Венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства.³¹

²⁹ Традиция называть жилища северных кочевников вежами сохранилась и позже. Так, например, русские называли в XIX в. вежами жилища саамов, представлявшие собой конструкции, в основе которых был «бревенчатый каркас в форме усеченной пирамиды», обкладываемый дерном и берестой. Вежами же называли русские и жилища иных неславянских народов севера (манси, башкир), развившиеся из первоначально конического сооружения с каркасом в основе, ср.: А.А. Шенников, 'О значении термина «вежа»', *Культура средневековой Руси* (Л., 1974), 73-74.

³⁰ ПСРЛ 2: 807.

³¹ *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (М., 1957), 71. Плано Карпини называет местопребывания Батыя либо «ставкой» (Orda), либо «шатром» (tentorium, в русском переводе передаваемое иногда как «палатка»). Карпини описывает также и «императорские» шатры (tentoria) матери Гуюка и самого Гуюка:

И, когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер (tentorium), приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (tabulatum), которая была разрисована разными изображениями (ibid., 74);

...возле некоего ручья между горами, был приготовлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. [...] Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани (ibid., 76);

Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены (ibid., 77).

Разумеется, пишущий через много лет после событий (после 1264 г.) волынский летописец мог всего этого и не знать. Он исходил из общего убеждения, что всякий житель степей должен обитать в веже. Но так же думал и автор *Жития* Михаила Ярославича Тверского (нач. XIV в.). Приехав для разбирательства своего дела в ставку хана Узбека, Михаил был помещен в веже. *Житие* не описывает, что то было за сооружение. Но по нескольким косвенным указаниям можно составить самое общее впечатление. Вежа стояла посреди “двора” и была достаточно большой, чтобы вместить “всех князей ордынских”. В вежу можно было “вскочить” и стоять в ней в полный рост. После смерти князя вежу разобрали (“вежу всю расторгоша подробну”).³²

Свидетельства о жилищах половцев и других кочевников.

Если описания монгольских веж в записке Плано Карпини имеют значение косвенного аргумента, другие современные ему отчеты впрямую относятся к нашей теме.

Как известно, спасаясь от монголов, часть половцев, западная орда под предводительством хорошо известного летописца хана Котяна, откочевала в Венгрию, под протекторат короля Белы IV. Среди других источников, документирующих эти события, сохранился отчет современника и очевидца — магистра Рогерия, каноника в Вараде. Записка (*Плач*) Рогерия ценится тем, что, попав в плен к монголам и проведя в нем значительное время, он пером очевидца описал нашествие на Венгрию. Однако в качестве предистории этих событий Рогерий рассказывает о злоключениях половцев, последовавших за их переходом в Венгрию. Вопреки попыткам королевской администрации расселить половцев, они пытались сохранить традиционный способ жизни:

Куманы не желали быть разделенными, но продолжали кочевать в необитаемых частях Венгрии со своими войлочными шатрами (*tentoriis filtreis*), стадами и гуртами овец.³³

Это описание представляет собой удивительно точное соответствие летописной фразе: “с вежами и съ стады и скоты и”.³⁴ Свой образ жизни половцы удерживали в Венгрии до конца XIII в., как явствует из грамоты короля Ласло IV 1279 г., постановлявшей, чтобы отныне они оставили “свои шатры и войлочные дома” (*re-*

³² *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 6: XIV—середина XV века (СПб., 1999), 78, 86.

³³ *Anonymus, notary of King Béla, The Deeds of the Hungarians*, ed., transl. and annotated by Martyn Rady and László Veszprémy. *Master Roger's Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*, transl. and annotated by János M. Bak and Martyn Rady (Budapest and New York, 2010 = *Central European Medieval Texts Series*, vol. 5), 149

³⁴ ПСРЛ 2: 428.

cedent a tabernaculis suis et domibus filtrinis) и жили в селениях по христианскому обычаю.³⁵

В начале XIII в. тех же западных половцев (на Балканах) Робер де Клари характеризовал следующим образом:

Это дикий народ, который не пашет, не сеет, у которого нет ни хижин, ни домов, а имеют они только войлочные палатки (*unes tentes de feutre*), где они рождаются, а живут они молоком, сыром и мясом.³⁶

Еще ранее еврейский путешественник раби Петахия из Регенсбурга, совершивший путешествие через Восточную Европу на Ближний Восток (1170-е—1180-е гг.) побывал, среди прочих мест, в Киеве и затем, как утверждает, за шестнадцать дней прошел всю половецкую степь (“землю кеदारскую”). Он сообщал, что “Кедары живут в шатрах”.³⁷

Доминиканец брат Юлиан, побывавший на Руси около 1237 г., утверждал, что привез письмо монгольского предводителя, адресованное венгерскому королю с приказанием покориться, где, среди прочего, было сказано:

Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах (*sine domibus cum tentoriis ambulantes*), может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?³⁸

Арабский энциклопедист Эннувейри (конец XIII—начало XIV в.) говорил о кыпчаках:

Это обитатели шатров, которые не живут в домах и не селятся в строениях, но проводят лето в одной земле, а зиму в другой.³⁹

³⁵ *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis*, vol. 1: 1216-1352 (Roma, 1859), 340.

³⁶ Robert de Clari, *La Conquête de Constantinople*, ed. by Philippe Lauer (Paris, 1956), 64; Робер де Клари, *Завоевание Константинополя* (М., 1986), 47-48. Об этих же куманам на службе у Калояна (Иоанницы) Жоффруа де Виллардуэн пишет, что под Адрианополем они стояли в шатрах (pavillons), см.: Geoffroi de Ville-Harduin, *La conquête de Constantinople*, ed. by Natalis de Wailly (Paris, 1872), 211.

³⁷ *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия*, под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова, том III: *Восточные источники* (М., 2009), 209.

³⁸ László Bendefy, ‘Fontes authentici itinera fr. Iuliani (1235-1238) illustrantes’, *Archivum Europae Centro-Orientalis*, t. 3, fasc. 1-3 (1937), 38, 43; *Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе. Исторический архив*, т. 3 (М.—Л., 1940), 89.

³⁹ В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. 1: *Извлечения из сочинений арабских* (СПб., 1884), 540.

Надо думать, войлочные юрты, которые европейские и восточные авторы пытались описывать при помощи привычных им “шатров” или “палаток”, были универсальным, повсеместно распространенным в степи типом жилищ. “Раскинутые шатры” (σκηνές) — широко употребляемое выражение византийских авторов для описания жилищ печенегов (Анна Комнина, Никита Хониат) и половцев (Иоанн Киннам). Гийом Тирский указывал, что туркоманы, не имея ни городов, ни сел, ни постоянного места жительства, кочуют со всем своим скарбом от пастбища к пастбищу, “устанавливая там свои шатры” (*tabernacula*), “привычно обитая в шатрах”.⁴⁰

Тождественный тип жилища отмечают и у монголов. Фома Сплитский утверждал:

Они пользуются войлочными и сделанными из кожи палатками (*tentoriis filtrinis*).⁴¹

Наблюдатели, естественно, могли выразить только внешнее впечатление, взгляд со стороны. Впервые сколько-нибудь точное описание устройства монгольских веж сделал Плано Карпини:

Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки (*in modum tentorii praeparatas*) и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком (*filtris sunt cooperta*), двери сделаны также из войлока.⁴²

Эти *stationes rotundas* легко разбираются и переносятся на вьючных животных или на телегах.

Трудно сказать, в какой степени Плано Карпини различал собственно монголов и основное население степей, по которым ехал — кыпчаков, и что в его описаниях принадлежит монгольскому, а что — кыпчакскому быту. Нельзя исключить, что под общей рубрикой “монгольских” жилищ он описывал самое массовое явление, встреченное им на пути — тюркские юрты.

И позднее жилища обитателей Золотой Орды, то есть кыпчаков, которых теперь стали называть татарами, европейцы описывали сходным образом (не исключено, основываясь на сообщениях миссионеров). Доминиканец Риккольдо да Монтекроче в *Libellus ad nationes orientales* (ок. 1300 г.) писал:

⁴⁰ *Guillaume de Tyr Chronique*, édition critique par R.B.C. Huygens, identification des sources historiques et détermination des dates par H.E. Mayer et G. Roesch (Turnhout, 1986), 114-115.

⁴¹ *Thomae archidiaconi splatensis Historia Salonitanorum atque Spalatinorum pontificum*, ed. by Damir Karbic, Mirjana Matijević Sokol and James Ross Sweeney (Budapest and New York, 2006), 284; Фома Сплитский, *История архиепископов Салоны и Сплита* (М., 1997), 115.

⁴² Giovanni di Pian di Carpine, *Storia dei Mongoli*, edizione critica del testo latino a cura di E. Menestò, traduzione italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà, introduzione di L. Petech, studi storico-filologici di C. Leonardi, M.C. Lungarotti, E. Menestò (Spoleto, 1989), 234; *Путешествия в восточные страны*, 27.

Они [татары — *A.T.*] не живут ни в домах, ни в городах, но в шатрах (*sub tentoriis*)”.

А Францисканец Джованни Элемозина, автор *Книги истории святой Римской церкви* (ок. 1335 г.) указывал:

Они [татары — *A.T.*] делают дома из толстых и отполированных шестов и покрывают их изрядно уплотненным войлоком; и эти дома — переносные (*et cooperiunt filtro bene condempato, et sunt portatile*). И есть у них телеги с колесами, на которых они перевозят домашнюю утварь и слабых домохозяев.⁴³

Примечательно, что ни в одном описании жилищ тюркских народов нет даже намек на “дома-повозки” и ничто во внешнем облике жилищ не подсказывало наблюдателям “движимость” юрт. Это, впрочем, не удивительно и вполне коррелирует с данными языка. Судя по всему, при большом количестве слов, передающих разновидности юрт, их составные части и конструктивные особенности, в тюркских языках не было терминов для “дома-повозки” или какого-либо “жилища на колесах”.⁴⁴

“Дворцовые юрты-телеги”.

Монголам, впрочем, принадлежит одна существенная инновация, впервые также отмеченная Плано Карпини. Наряду с обычными каркасными разборными

⁴³ См.: Р. Хаутала, *В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313-1341)* (Казань, 2019), 170, 174, 465, 467. Такое же впечатление произвели жилища татар на испанского путешественника Петро Тафура, видевшего их в Солхате в 1430-х гг.: “Жилища их переносные, некоторые из ткани, другие каркасные, и когда случается, что по причине оскудения почвы они переменяют местожителство, они помещают весь свой скарб в повозки”, см.: Pero Tafur, *Travels and Adventures (1435-1439)*, transl. and ed. with an introduction by Malcolm Letts (London and New York, 2005), 136; Тафур Петро, *Странствия и путешествия*, пер., предисловие и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса (М., 2006), 163. Доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи в 1634 г. отмечал стационарный характер татарских жилищ; а вот об отдаленных ногайцах, с которыми непосредственно не сталкивался, судил на основании литературных клише, утверждая, будто они живут в домах на повозках. Интересно, что подобно Рубруку и ибн-Батутте (см. ниже), он также отмечает: съехавшиеся вместе телеги “представляют вид большого города”; см.: *Описание Черного моря и Татарию, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи, префект Каффы, Татарию и проч. 1634 г.*, пер. Н.Н. Пименова, прим. А.Л. Бертье-Делагарда (Одесса, 1902 = *Записки Императорского Одесского общества истории и древностей*, 24), 130-131. Не исключено, что д’Асколи знал текст Рубрука.

⁴⁴ См.: *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*, изд. 2-е, доп., под ред. Э.Р. Тенишева (М., 2001), 500-522 (раздел “Юрта, детали устройства и предметы утвари”); Valentin I. Rassadin, Svetlana M. Trofimova, L. Chuluunbaatar, ‘The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages: Common Mongolian Lexis Denoting the Traditional Home’, *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 32/4 (2017), 134-140.

юртами он отметил и другой тип жилищ: особенно больших, которые перевозятся с места на место в неразобранном состоянии, для чего необходимо запрягать иногда больше четырех быков.⁴⁵

Эти огромные конструкции подробнее описал Рубрук:

Дом, в котором они спят, они ставят на колеса из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса [...] И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. [...] Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу.⁴⁶

Судя по всему, Рубрук говорит не об обычных жилищах монголов (и тем более не “команов”, о “становищах” которых был невысокого мнения), но о самом экзотическом, что повстречалось ему среди монголов — ханских юртах. О таких “шатрах” ставки Бату, перевозившихся в целом виде на телегах, писал современник первых монгольских вторжений армянский историк Киракос Гандзакечи:

Они [Бату и его окружение — *А.Т.*] жили в шатрах, а во время передвижений шатры возились на телегах, запряженных волами и лошадьми.⁴⁷

Рубрук видел большие юрты в ставке Сартака и Бату, а также в ставке одного из “родственников” Бату, некоего Скатая:

Итак, утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне движется большой город. [...] Уже было более трех часов и они поставили свои дома возле какой-то воды.⁴⁸

Такое же впечатление “движущегося города” произвело в 1334 г. перемещение ставки хана Узбека на мусульманского путешественника ибн-Батутту:

Подошла ставка, которую они называют Урду [...] и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху: они варят (пищу) во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся.⁴⁹

⁴⁵ *Путешествия в восточные страны*, 28.

⁴⁶ *Путешествия в восточные страны*, 91.

⁴⁷ *История монголов по армянским источникам*, вып. 2: *Заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакечи*, перевод и объяснения К.П. Патканова (СПб., 1874), 73.

⁴⁸ *Путешествия в восточные страны*, 104.

⁴⁹ В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, 289. О том же свидетельствуют и этнографические данные. Шведский историк Иоганн Тунманн,

Надо думать, во всех этих случаях речь идет об упомянутых еще в *Сокровенном сказании* “дворцовых юртах-телегах”, заведовать которыми был приставлен особый разряд служителей “кебтеулов” под ведением тысячника.⁵⁰ Они же распоряжались построением ставки каана на новом месте и ее охраной.

“Дворцовые юрты-телеги”, несомненно, были особой принадлежностью государева двора. Но, как видно из описаний, то были не жилища, а специальные приспособления для перемещения огромных ханских юрт, всякий раз разбирать которые представлялось непрактичным. Жить “на ходу”, видимо, было и невозможно: круглая в основании конструкция без дна, водруженная на прямоугольной телеге, едва ли была для этого пригодной (Рубрук отмечал, что края юрты выступали за обрез телеги “по крайней мере на пять футов с того и другого бока”). По прибытии на новое место ставки юрты снимались с телег и устанавливались на земле.

Половецкие вежи в иллюстрациях средневековых хроник.

Средневековые изобразительные источники для истории кочевнических жилищ, по понятным причинам, немногочисленны. Можно отметить сильно стилизованные, но вполне узнаваемые, изображения монгольских войлочных юрт в иллюминированных рукописях *Сборника летописей (Джами ат-таварих)* Рашид ад-Дина, начала XIV в. (см. *Приложение*, рис. 1), или гораздо более реалистические изображения, как предполагают, юрт китаней в иллюстрациях к поэме *Восемнадцать песен кочевой флейты* (оригинал эпохи южной династии Сун, XII в.)⁵¹ (см. *Приложение*, рис. 2).

Для темы собственно половецких жилищ первостепенное значение имеют две рукописи. Это — венгерская *Иллюстрированная хроника (Cronicon pictum)*, ок. 1358 г.), а также *Радзивилловская летопись* (1480-е гг.).

Матерью венгерского короля Ласло IV была дочь некоего половецкого вожды, получившая при крещении имя Елизавета.⁵² От нее Ласло унаследовал приверженность к половецким обычаям: одежде, форме прически, он даже жил в половецком жилище, предпочитая общество степных куманов королевскому двору.⁵³ По иро-

посетивший Крым в 1777 г., оставил очень детальное описание жилища татар как каркасной юрты, отметив: “Эти палатки в том виде, как они стоят, ставятся на повозки и перевозятся с одного места на другое”, см.: Иоганн Тунманн, *Крымское ханство* (Симферополь, 1991), 48).

⁵⁰ С.А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.*, т. 1: *Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии* (М.—Л., 1941), 196. Эти сведения относятся ко времени Угедая (1229-1241), но ссылка сделана на распоряжения Чингисхана.

⁵¹ *The Story of Lady Wen-Chi. A Fourteenth-Century Handscroll in the Metropolitan Museum of Arts*, ed. Robert A. Rorex and Wen Fong (New York, 1974).

⁵² О ее происхождении см.: Nora Berend, ‘At the Gate of Christendom: Jews, Muslims and ‘Pagans’ in Medieval Hungary, c. 1000—c. 1300 (New York, 2001 = *Cambridge Studies in Medieval Life and Thought*, 50), 88, прим. 56.

⁵³ Pál Engel, *The Realm of St Stephen: A History of Medieval Hungary, 895-1526* (London and New York, 2001), 109.

нии, в 1290 г. он был убит половцами, “которых так любил”. Это событие отражено на миниатюре известной *Иллюстрированной хроники* (см. Приложение, рис. 3). На ней окровавленный король Ласло IV показан в половецком уборе, лежащий в белом шатре, изображающем, по мнению художника, половецкое жилище. Текст, который иллюстрирует миниатюра, не упоминает обстоятельств смерти короля и не мог служить подсказкой иллюстратору.⁵⁴ Художник, надо думать, руководствовался неким фоновым знанием о событии. Однако, как происхождение художника, так и источники его “ориентализма” определяются лишь гипотетически.⁵⁵ Неясно, что этот мастер середины XIV в. мог знать о половецких реалиях предыдущего столетия. Скорее всего, он исходил из общего представления о половецких жилищах как “шатрах”.⁵⁶

Гораздо большее значение для нашей темы имеют миниатюры *Радзивилловской летописи*. Предполагают, что от своего утраченного оригинала XIII в. рукопись унаследовала более аутентичные изображения половецкого быта, а, главное, здесь, как считается, изображены половецкие вежи и притом именно как “дома-повозки”.

Рукопись *Радзивилловской летописи* была изготовлена в 1480-х гг. на Волыни.⁵⁷ Ее иллюстраторы значения слова «вежа» уже не понимали и, лишённые подсказки своего предполагаемого оригинала, изображали вежи по своему разумению как фортификационные башни, иллюстрируя текст “В то же лѣто . дѣ . в̄ . Дмитръ Ивовӣ . взд̄ вѣ̄ повѣцкѣ оу Дона” (см. Приложение, рис. 4).

Тем не менее, полагают, что на трех миниатюрах вежи изображены как “дома-повозки” (см.: Приложение, рис. 5-7). В первом случае (л. 232об.) миниатюра сопровождает следующий текст: “И множество полона взаша и женъ и дети и стоѣша на вежахъ . три дни . весалашеса”. Рисунок на л. 237об. иллюстрирует текст:

⁵⁴ См.: *Chronica de gestis Hungarorum e codice picto saec. XIV = Chronicle of the Deeds of the Hungarians from the Fourteenth-Century Illuminated Codex*, ed. and transl. by János M. Bak and László Veszprémy, with a preface by Norbert Kersken (Budapest, 2018), 334-335.

⁵⁵ Об иллюстраторе (иллюстраторах) *Иллюминированной хроники* см.: Ernő Marosi, ‘The Illuminations of the Illuminated Chronicle’, *Studies on the Illuminated Chronicle*, ed. by János M. Bak and László Veszprémy (Budapest, 2018), 25-110.

⁵⁶ Венгерская хронография разрабатывала две “теории” происхождения венгров: скифскую и гуннскую. Оба народа были номадами, что, естественно, заостряло интерес к кочевому быту этих и других народов. Магистр Шимон из Кезы, хронист и клирик при дворе Ласло IV, отдавал предпочтение второй теории. В составленной им ок. 1282 г. *Gesta Hunnorum et Hungarorum* он изображает гуннов, а также увлеченных ими в поход половцев как жителей “шатров” (tabernacula). Он особо отмечает, что Аттила презирал жительство в захваченных им городах и крепостях, предпочитая вместе со своим народом кочевать по степям “с шатрами и повозками” (cum tabernaculis et bigis). Впрочем, знания магистра Шимона о древних кочевниках были скорее литературного и “ученого” происхождения. Так, его описание главного из шатров Аттилы (с украшенными золотом шестами) едва ли не заимствовано из описания “Золотой орды” хана Гуюка у Плано Карпини (см.: Simon of Keza, *Gesta hungarorum. The Deeds of the Hungarians*, ed. by Laszlo Veszpremy and Frank Schaer (Budapest, 1999), 41).

⁵⁷ См.: Oleksiy Tolochko, ‘Notes on the Radziwill Chronicle,’ *Studi slavistici* X (2013), 29-42.

“[Т]ое же зимы ходи Романъ кнѣзь на половци· и взѧ вѣ половецкие· и приведе полона мно· и дшѣ хртѣаньскѣ много ѿполони ѿ ни”. Можно было бы думать, что эти две миниатюры, действительно, передают изобразительными средствами значение слова «вежа». Однако миниатюра на л. 242об. сопровождает текст, в котором вежи вовсе не упомянуты: “Кнѣзь же великий ходивъ по становщѣ ихъ· иде про възлѣ Донь· внѣм же безбонѣ· побѣгше про”.

Оказывается, изображения повозок не привязаны к существительному «вежа» и, скорее всего, передают обозначенные в тексте действия: “множество полона взаша”, “и приведе полона мно”, “безбонѣ· побѣгше про”.⁵⁸

Что же на самом деле изображают художники *Радзивилловской летописи*? Конвенции средневековой миниатюры предполагали строгое гендерное различие способов передвижения. Мужчины (прежде всего, конечно, воины, но также и персонажи более мирных профессий: клирики, гражданские администраторы) передвигаются исключительно верхом. В повозке (или на санях) могли изобразить мужчину только если он неспособен ехать верхом: серьезно болен, тяжело ранен или умер. Напротив, женщины (за редчайшими исключениями) никогда не изображаются верхом на коне или муле. Они путешествуют либо в паланкинах, либо, что чаще — в повозках различных конструкций, в том числе и крытых. Именно это и находим в *Радзивилловской летописи*: на всех миниатюрах с изображением повозок обнаруживаем, что внутри их находятся женщины, в то время, как мужчины (половцы или русские воины) сопровождают повозки верхом. Иными словами, повозки иллюстрируют угон “полона”: в одном случае захваченных князьями половецких “жен и детей” (л. 232об.), в другом — отбитых у половцев русских (л. 237об.). Чем бы ни оказались, в конечном итоге, половецкие вежи, миниатюры *Радзивилловской летописи* не содержат их изображений.

Еще о вежах

Наряду с обозначением каркасных жилищ кочевых народов (юрт на юге, чумов на севере) исторически засвидетельствованы и другие значения слова вежа.

Вежами называли плетеные из прутьев приспособления (ловушки) для ловли рыбы. Ср., например, в *Новгородской писцовой книге* 1498 г.:

Да на томъ же погостѣ 4 вежи рыбные владычни, а дають оброка владыщѣ рыболове восемь гривенъ. Да съ тѣхъ же вежъ рыболове рыбу ловятъ на владыку 4 дни;

Да у тѣхъ же хрестьянъ 2 вежи рыбные, и въ одной вежѣ ловятъ рыбу на манастырь, а зъ другіе вежи дають найму манастырю 5 гривенъ;

А доходу идеть съ тѣхъ деревень манастырю и игумну денегъ полтина Новгородская и съ вежъ, а изъ хлѣба треть;

⁵⁸ В других случаях (а их большинство), где текст говорит о вежах, иллюстрация не содержит изображения каких-либо повозок или “домов на колесах”.

Да в тѣхъ же деревняхъ монастырскіе 4 вежи, а найму емлютъ съ нихъ 8 гривенъ Новгородскую. [...] А по новому писму [...] доходу съ нихъ идетъ монастырю треть изъ хлѣба да съ четырехъ вежъ найму 8 гривенъ Новгородскую.⁵⁹

Люди, ответственные за этот промысел, именовались “вежниками”.⁶⁰

Рыболовецкие вежи никак не связаны с “домами-повозками”, и здесь нужно предполагать происхождение от **vęzati*, рус. *вязать*.⁶¹ Вежа — нечто плетеное, вязанное из прутьев или шестов. Такое понимание позволяет разъяснить иначе загадочный эпизод из *Повести временных лет*. Во время осады Владимира (1097 г.)

ста Двѣдъ вступивъ городъ . и часто приступаше . единою подступиша [X, П; в И: пустиша] къ граду подъ вежами . шнѣмъ же бьющимся съ града и стрѣляющимъ межи собою. идаху стрѣлы акы дождь.⁶²

Действия осаждавших толковали в том смысле, что они атаковали город под защитой передвижных осадных башен либо “кибиток на колесах”.⁶³ Но передвижных башен (как и другой осадной инженерии) военное дело Руси домонгольского времени не знало. Поскольку в тексте речь идет о защите от стрел, в вежах вероятнее видеть некие плетеные на каркасе щиты или заслоны, под прикрытием которых пытались подобраться к стенам. Это соответствовало бы исторически засвидетельствованной практике осадных сражений.

Такую же этимологию необходимо предполагать и для вежи в значении хозяйственной постройки. Ср.:

⁵⁹ *Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией*, т. 4. *Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498, 1539, 1552-1553 гг.* (СПб., 1886), 11, 15, 16, 17.

⁶⁰ См.: И.Ю. Анкудинов, ‘«Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664’, *Новгородский архивный вестник*, №12 (2014), 3-5.

⁶¹ Ср. в этом контексте: *вежá* ‘вязка лука в виде косы’ (новг.): «Из *вяжá* < **vęzja* от **vęzati*, рус. *вязать*» (А.Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, вып. 6, 180); *вѣзиво* ‘жгут из соломы для скрепления снопа’ (волог.), *вѣзиво*, *везиво* ‘веревка, которой что-либо завязывается; завязка’ (волог. с.-двин., вят.), *вѣзжица*, *вѣжжица* ‘нитка, на которой запускают бумажный змей’, *вѣзжица* ‘бечевка или нитка, на которой кто-либо ходит на привязи’ (волог.), *везель* ‘мышинный горошек’ (арх.), *везель* ‘стебли гороха’ (яросл.), *визель* ‘вид кормовой травы’ (тобол., тамбов.), *везель* ‘мелкая луговая трава’ (ворон.); «укр. *в’язіль* в назв. разных видов клевера ... // Вероятно, от *вязать*, укр. *в’язати* — по особенностям стеблей некоторых из упомянутых растений» (ib., 184-185). Переход *’а* > *е* (на письме — **е/ѣ**) в новгородских берестяных грамотах отмечен с XII в.; см.: А.А. Зализняк, *Древне-новгородский диалект* (М., 2004), 74-75; о том же переходе в сев.-русских говорах писал Н.Н. Дурново, см. его “Очерк истории русского языка” в: Н.Н. Дурново, *Избранные работы по истории русского языка* (М., 2000), 190-191 § 243-245; в сев.-украинских говорах — ib., 218 § 316. Выражаю искреннюю благодарность О. Страховой за консультации.

⁶² ПСРЛ 2: 246-247; ПСРЛ 1: 271.

⁶³ И.И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, т. 1, 482; А.А. Потёбня, ‘Заметки этимологические и о народной поэзии’, 178; А.С. Львов, *Лексика «Повести временных лет»*, 123.

“Въ градѣ Дорогобоужи нѣкаѧ жена раба соущи дѣлаше въ вежи повелениємъ г҃ѧ своѧ”,⁶⁴

“иже безъ време и деть въ вежю или винницу развѣ повелѣниѧ строитель”; “и иде въ вежю . и сварши зеліе”.⁶⁵

В контексте дворовых построек упомянуты вежи в Искоростене в статье ПВЛ под 945 г.:

и тако възгарахусѧ голубѣнници· шво клѣти· шво вежѣ· шв° ли шдрины· и не бѣ двора идеже не гораше.⁶⁶

Эти сооружения не имеют никакого отношения к повозками и совершенно определенно были стационарными. С жилищами кочевых народов их роднит вероятная каркасная конструкция.⁶⁷

Белая Вежа.

Во второй половине 830-х гг. византийцы построили для хазар крепость Саркел. Это оказалась самая документированная вежа, поскольку кроме тюркского названия, существует два греческих его толкования, а также славянская и, возможно, арабская⁶⁸ кальки. Рассказывая историю постройки крепости, Константин Багрянородный, утверждает, что Саркел означает у хазар “белый дом” (ἄσπρον ὀσπίτιον),⁶⁹ а *Продолжатель Феофана* в аналогичном эпизоде объясняет название в других словах, но с тем же значением (λευκὸν οἴκημα).⁷⁰

Руководствуясь этими подсказками, Саркел (*Sarkel*) истолковывают как “Белый дом”, где *šar* — ‘белый/желтый’, *kel* — ‘дом’ (тюркск. *kil* понимается как заимст-

⁶⁴ С. Бугославский, *Пам’ятки XI-XVIII вв. про князів Бориса і Гліба (розвідка й тексти)*. (К., 1928), 163.

⁶⁵ И.И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*, т. 1, 483.

⁶⁶ ПСРЛ 1: 59.

⁶⁷ Ср.: “В Архангельской губ. по настоящее время шалаши лопарей из жердей, покрытые хворостом и мхом, называются вежами. На Черноморье вежа означает тень, ватагу с шалашинами на берегу; а равно шалаш над прорубом для ловли рыбы; в Курской же губ. вежкой именуется полевой шалаш, сторожка, балаган. [...] У хорватов названное слово употребляется в смысле хозяйственного строения”; см.: А.Н. Харузин, *Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ* (Вильна, 1907), 222, 290. Ср. также польск. диал. *wiązarek* “способ постройки изб (сооружение конструкций из балок, скрепляемых тростником и глиной)”; см.: А.Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, вып. 6, 180.

⁶⁸ В случае, если араб. *al-Bayḏā’* (“Белый”) в *Книге путей и стран* Ибн Хордадбега относится именно к Саркелу; см.: Karl H. Menges, *The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies*, 2nd, revised ed. (Wiesbaden, 1995), 30.

⁶⁹ Константин Багрянородный, *Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий* (М., 1991), 170.

⁷⁰ *Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur Libri I-IV*, ed. and transl. by Michael Featherston and Juan Signes-Codoñer (Berlin and Boston, 2015), 176.

вованье из среднеперсидского *gil*).⁷¹ Николас Поппэ полагал возможным видеть во втором компоненте также монг. *ger*, ‘дом, юрта’.⁷²

Летописное название хазарского города “Бълаа Вежа” обосновано считается калькой тюркского Саркел, следовательно, с тем же значением “белый дом / юрта”.⁷³

Заключение

Образ “дома на колесах” как жилища скифов и сарматов — яркая принадлежность античных рассказов об этих народах. Только классическая традиция и содержит описание кочевого жилища как дома-повозки. Даже если эти представления были этнографически достоверны, следует учитывать, что скифы и сарматы принадлежали к особой, ираноязычной, традиции кочевничества, угасшей уже в древности. Как можно судить по сохранившимся свидетельствам, тюркская традиция, в том числе и средневековая, не знала “движимых домов”, а в языке не существовало никакого соответствующего термина. Тюркские народы обитали в разборных каркасных жилищах, которые сторонние наблюдатели чаще всего описывали как “войлочные палатки”, а изобразительные источники представляют в виде войлочных юрт. Таковую же картину рисуют и этнографические свидетельства более позднего времени, XV-XVIII вв. Именно к этой традиции принадлежали те кочевые народы — печенеги, торки, половцы, монголы, — жилища которых летописи называют “вежами”. Вежи, следовательно, обозначают этот специфический тип жилища: каркасной юрты. Летописный термин образовался путем переноса за-свидетельствованного в славянском языке обозначения плетеных конструкций и каркасных сооружений — веж (от **vęzati*) на аналогичного строения каркасные жилища кочевников.

Институт истории Украины
Национальная Академия наук Украины

⁷¹ Károly Czeglédy, ‘Šarkel: An Ancient Turkish Word for «House»’, *Aspects of Altaic Civilization*, ed. by Denis Sinor (Bloomington, 1963 = *Indiana University Uralic and Altaic Series*, vol. 23), 23-31. См. также: Gyula Moravcsik, *Byzantinoturcica*, vol. 2: *Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen* (Leiden, 1983), 268-269; Peter Golden, ‘Khazarica: Notes on Some Khazar Terms’, in: Peter Golden, *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes* (București and Brăila, 2011) 228-229, где и обзор новейшей литературы.

⁷² Nicholas Poppe, ‘Review of Aspects of Altaic Civilization by Denis Sinor’, *The Slavic and East European Journal* 8/1 (1964), 88.

⁷³ ПСРЛ 2: 53. Важно, что это было “живое” название. Как сообщает летопись под 1117 г., “придоша Бъловѣжци в Русь” (ПСРЛ 2: 285), вероятно, жители Саркела, вынужденные покинуть город вследствие какой-то катастрофы. Для них в Черниговской земле был основан новый город с тем же названием (упоминается в сообщениях 1147-1149 гг. как “Бълавежа”) (ПСРЛ 2: 358, 377). Надо думать, этому выходу предшествовал другой, так как в *Поучении* Владимира Мономаха среди событий середины 1090-х гг. упомянут поход “к Бълѣ Вежи”. Этот город в Переяславльской земле фигурирует позднее как “Бълавежа Стараа” (ПСРЛ 1: 248, 321).

Приложение

Рис. 1. Сборник летописей (*Джами ат-таварих*) Рашид ад-Дина, нач. XIV в.

Рис. 2.
Восемнадцать песен
кочевой флейты
(оригинал эпохи
южной династии Сун,
XII в.)

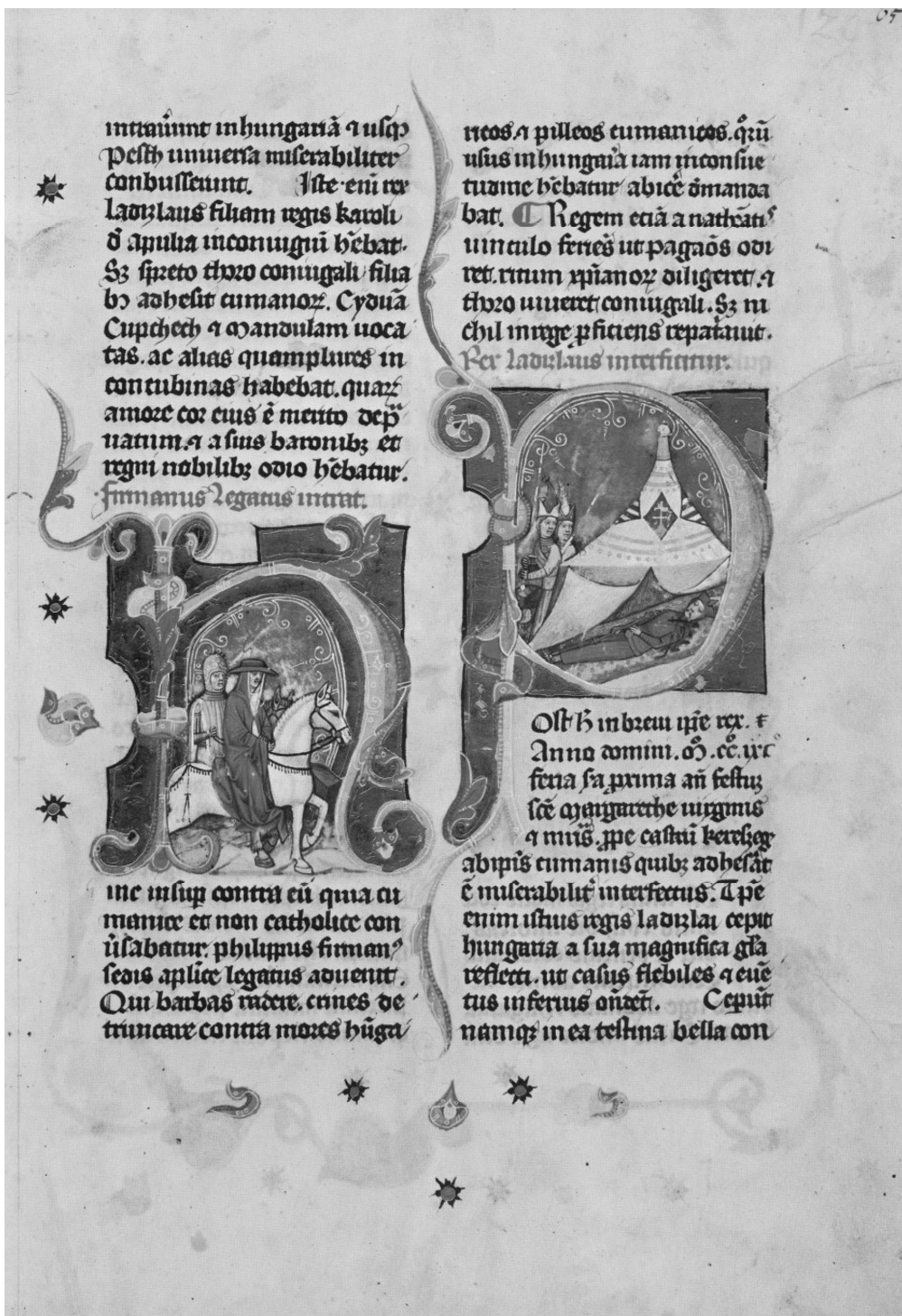

Рис. 3. Иллюстрированная хроника (*Cronicon pictum*, ок. 1358 г.)

Рис. 4. Радзивилловская летопись, л. 154.

Текст: лѣтъ 5. хѣтї. постави єѡупраксини. дщи всеволо. в то |
же лѣто. дѣ. в. дмитръ и воровѣи. взѡвѣ повѣцїе оу донѡ:—

Рис. 5. Радзивилловская летопись, л. 232об.

Текст: и множество полонѡ взѡша и женѣ и дѣтей. и стоѡша |
на вежахъ. три дни. веслащесѡ:—

Рис. 6. Радзивилловская летопись, л. 237об.

Текст: [Т]о́е же зѣлы ходи романъ кнѣзь на половци • и вѣзъ вѣ | половецкиѣ • и приведе полона мно́
и дѣшь хрѣтиа́нскѣи много ѿполоми ѿ ни и вы́ ра́сть велика в роуко́и земли:

Рис. 7. Радзивилловская летопись, л. 242об.

Текст: кнѣзь же великии ходи вѣ по становише ихъ • иде про
воздѣ донъ • ѿнѣм же безвоны повѣгше про: